

Сергей Михайлович Соловьев

**История России с древнейших
времен. Том 11**



История России с древнейших времен

Сергей Соловьев

**История России с
древнейших времен. Том 11**

«Public Domain»

Соловьев С. М.

История России с древнейших времен. Том 11 / С. М. Соловьев — «Public Domain», — (История России с древнейших времен)

В одиннадцатом и двенадцатом томах сочинений С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» излагаются события в царствование Алексея Михайловича, т. е. освещается отечественная история примерно с конца 50-х до середины 70-х годов XVII в.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Соловьев

История России с древнейших времен.

Том 11. Продолжение царствования Алексея Михайловича 1645–1676 гг

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Гетманские и митрополичьи выборы в Малороссии. – Переговоры с Тетерею в Москве. – Посольство Кикина в Малороссию. – Выговский замышляет измену. – Союз его с ханом крымским. – Сношения хана с Москвою и дела на Дону. – Выговский и Лесницкий возбуждают козаков против царя. – Посольство Матвеева и Рагозина к Выговскому; посланцы Выговского – Меневский и Коробка в Москве. – Запорожцы жалуются царю на Выговского. – Вопрос о воеводах. – Хитрово в Малороссии и Переяславская рада. – Полтавский полковник Пушкарь против Выговского. – Изветы его царю. – Лесницкий в Москве. – Выговский с татарами идет на Пушкаря. – Гибель последнего. – Выговский поддается польскому королю. – Военные действия под Киевом. – Разделение Малороссии и усобица. – Радость в Польше. – Двадцать одна причина, почему царь Алексей не мог быть избран в преемники Яну-Казимиру. – Странствия Матвеева склонить Литву на царскую сторону. – Сношения с Польшею. – Виленские съезды. – Враждебные движения польских войск. – Победа Долгорукого над Гонсевским и плен последнего. – Затруднительное положение Москвы. – Ордин-Нащокин и его преобразовательные замыслы. – Борьба в Малороссии. – Поход Трубецкого. Наказ ему насчет соглашений с Выговским. – Конотопская битва. – Ужас в Москве. – Действия Выговского и сношения его с Трубецким. – Дела в Крыму. – Действия донских козаков. – Падение Выговского. – Юрий Хмельницкий-гетман. – Переговоры с Швециею. – Ссора Нащокина с Хованским. – Валиесарское перемирие. – Побег сына Ордина-Нащокина за границу и переписка отца с царем по этому случаю. – Кардисский мир.

В Чигирине около гроба знаменитого гетмана волновалась старшина козацкая важным вопросом: кому быть на месте Хмельницкого? Живому Богдану никто не решился отказать в просьбе насчет избрания в гетманы сына его; теперь никто не думал об исполнении обещания, когда грозный батька козацкий лежал без дыхания. Выговский, не боясь, что его раскуют по рукам лицом к земле, действовал свободно и приобретал сильную сторону. Не стало гетмана в Чигирине, не было митрополита в Киеве; здесь волновались не менее важным вопросом: как выбирать преемника Сильвестру Коссову? Хлопотал воевода Андрей Бутурлин, призывал епископа черниговского Лазаря Барановича, печерского игумена Иннокентия Гизеля, других игуменов и говорил им всякими мерами, с большим подкреплением, чтоб поискали милости великого государя, правду свою к нему показали, были под послушанием и благословением великого государя святейшего Никона патриарха, без царского указа за епископами не посылали и без патриаршего благословения митрополита не избирали. Епископ Лазарь отвечал, что он рад царской милости и патриаршему благословию, но надобно подумать с архимандритами и игуменами. 7 августа Лазарь приехал к воеводе и объявил, что духовенство киевское приговорило быть под послушанием Никона патриарха, что теперь они едут в Чигирин

на погребение гетманское, а когда возвратятся и укрепятся между собою, то отправят кого-нибудь из своих к великому государю. Выговский писал Лазарю: «Выбирайте митрополита между собою, кого хотите, а нам теперь по смерти гетманской до того дела нет».

А между тем в Москве, ничего не зная, рассуждали с Павлом Тетерею, приехавшим в послух еще от гетмана Богдана Хмельницкого. 4 августа Тетеря представлялся государю и говорил речь: «Егда благодарованную пресветлейшего вашего царского величества державу нынешними времяны, над малороссийским племенем нашим утверждённу и укрепленну, внутренними созираю очима, привожу себе в память реченное царствующим пророком: от господа бысть се и есть дивно во очию нашею, воистинно соединение Малые России и прицепление оныя к великодержавному пресветлейшего вашего царского величества скипетру, яко естественной ветви к приличному корени. И якоже древле Давиду израильские девы ликоствующе в тимпанех с радостию и гуслех припеваху: победи Саул со тысящами, а Давид – со тмами, тако и пресветлому вашему царскому величеству истинно все Российстии сынове припевати можем: иные цари победиша со тысящами, ты ж, великодержавный царь наш, победил еси со тмами. Преславная воистину есть пресветлого вашего царского величества на враги победа, понеже, ревнующе по благочестивой вере, не пощадил еси своя царския главы, не предпочел еси своего угодия, но, оставя множицею свой царский престол и презревше своя царския палаты, изшел еси пред нами на враги наша и сам возжелал еси поборати по нас, прямых подданных своих. Воистину поставлен еси от вышния десницы божия над Сионом горою святою его, над сионовыми, глаголю, сыны российскими, возвещая нам всем повеления господня и сведения его: не возвещаеши ли нам житием непорочным своим повелений господних? Не учиши ли нас изрядных добродетелей своих? И кто не познавает кротость твою, кто ли не причастен милости твоя? Кто не проповедует благоутробия вашего царского величества и к самим врагам непамязлобного нрава? Дивно есть во очию нашею, дивно и чудесно: понеже, егда оскудеваше в помощи Малая Россия, тогда бог подвиже благочестивое вашего царского величества сердце, что от высокого своего престола призрел еси на нас и под высокую свою руку воинство наше запорожское щедротне восприяти благоволил, которое, крестным целованием государю и царю своему привязанное, чрез нас, посланников своих, пред святым вашего царского величества престолом до лица земли упадает и, не превратно и не льстиво в своем крестном целовании пребывающе, пресветлого вашего царского величества, яко второго великого во царех и равного во апостолах Владимира, не точию почитает, но и предпочитает, понеже он аще ли российское племя святым просветил крещением, но и сам кроме закона иногда живяше и многих сынов российских своим порочным языческим житием погубляше; но ваше царское величество вящшие сподобися благодати, егда отторженную ветвь, Малую Россию, приобрете».

Оратору был сделан первый вопрос: по утвержденным статьям, в городах должны быть урядники и всякие доходы собирать на царское величество и отдавать тем людям, которых он пришлет; из этих поборов давать жалованье начальным людям и козакам, которые должны быть в числе 60000. Но поборов до сих пор ничего не взято; гетман их собирает ли и жалованье козакам дает ли? Государь об этом спрашивает не для того, чтоб доходы были надобны в царскую казну, но для того: государь узнал, что на гетмана и полковников козаки бунтуют, будто они доходы собирают на себя, а им жалованья не дают. «То-то и беда, – отвечал Тетеря, – что доходы не собираются, жалованье козакам не дается, и они служат лениво, а принудить их нельзя служить без жалованья. С Киевского воеводства я сам собрал 20000 рублей, а можно собрать и 50000 золотых червонных, если впрямь собирать; в иных поветах полковники собирают со двора золотых по два и по три, говорят, что собирают на гетмана, но гетману если что и дадут, то не все, а корыстуются сами, и от того происходят смуты и бунтовство. Изволил бы великий государь послать к гетману, чтоб сознал раду и при всех царскую милость объявил и статьи вычел: хотя гетману это будет и не любо, только войску будет годно, а нам теперь с гетманом спорить нельзя, потому что будет ему не любо». Объявили посланнику и

второе неудовольствие царское: «Гетман не исполнил статьи, чтоб не принимать иностранных послов; царское величество все посылал милостиво, потому что гетман писал с покорностью: так гетману и всему войску, видя такую милость, надобно знать и обещание свое исполнять, ибо за всякое крестопреступление надобно бояться гнева божия». «Все это правда, – отвечал Тетеря, – только нам всего этого гетману выговорить нельзя».

В грамоте, поданной Тетерею от Богдана (от 10 июля), гетман писал, что пошлет к шведскому королю проведать о его умысле; что приказал уже полковнику Антону возвратиться и идти под Каменец; идущему к нему Беневскому скажет, чтоб поляки непременно выбрали царя в короли. Тетеря имел поручение и от Выговского: «Бил челом писарь о маетностях жены своей Статкеевичевны да жены брата своего, дочери Ивана Мещеринова: так какое будет царского величества изволение?» Ему отвечали: «Как присылал к царскому величеству в 1655 году Иван Выговский брата своего Данилу бить челом о маетностях, то великий государь пожаловал их большими городами и маетностями; им этим можно жить без нужды, а Статкеевичевы маетности розданы шляхте присяжной, у которой назад их взять нельзя».

10 августа пришла весть, что Богдан Хмельницкий умер. Тетеря подал письмо от Выговского: писарь писал, что гетман умер 27 июля, во вторник, в пятом часу дня; письмо оканчивалось так: «Непременно надобно бить челом царскому величеству, чтоб изволил нас оборонять войском; да прошу еще вашу милость: бейте челом царскому величеству, чтоб мне в Литве спокойнейшее житие дать, потому что я тут, будучи стар, с козаками ничего не успею». Тетеря объяснил, почему Выговскому хочется имений в Литве: «Хотя царское величество писаря, отца его и братью и пожаловал, только они этим ничем не владеют, опасаясь Войска Запорожского». Ему отвечали: «Если они до сих пор не владели, опасаясь Войска, то теперь будет послан в Малую Россию ближний боярин князь Алексей Никитич Трубецкой; он об этих маетностях объявит, и тогда Выговским можно будет ими владеть свободно с ведома Войска». «Сохрани боже! – отвечал Тетеря, – чтоб царское величество Войску о своих пожалованиях объявлять не велел, потому что об этом и гетман Богдан Хмельницкий не знал; если в Войске сведают, что писарь с товарищами выпросили себе у царского величества такие большие маетности, то их всех тотчас побьют и станут говорить: мы всем Войском царскому величеству служили и за него помирали, а маетности выпросили себе один писарь с товарищами; да станут говорить, чтоб всеми городами и местами владеть одному царскому величеству, а им кроме жалованья ничего не надобно. Если царское величество велит пожаловать писаря, отца его и брата маетностями, то велел бы отвести в литовских краях особое место, чтоб им ни с кем ссоры не было, а в Войске Запорожском владеть им ничем нельзя. Из присланных мне писем вижу я, что теперь старшины все при гетмановом сыне Юрии, в Войске смиренно, и думаю, что выберут Юрия в гетманы. Но как слышат, что царское величество шлет своих бояр и рада будет, то при гетманове сыне есть много таких людей, которые ему дружат, а с полковниками не в совете, и станут они ему говорить, чтоб рады не сбирал, чтоб ему своего владенья не убавить, так же как и отец его рады не сбирал, а владел всем один, что прикажет, то всем Войском и делают, а только раду ему собрать, то на раде без бунта не пройдет: у всякого будет своя мысль, иной захочет в гетманы Юрия Хмельницкого, иной – другого, а иной захочет того, чтоб владел всем царское величество, а хотя и гетман будет, то владенье его перед прежним будет не так сильно. У нас теперь от неприятелей спасенья нет, а в Войске много неразумных людей, которые станут мыслить, что царские бояре идут с войском за тем, чтоб Войско Запорожское чем-нибудь стеснить, а нам теперь войска не надобно. Царское величество изволил бы в своей грамоте вначале написать имя гетманова сына Юрия, чтоб ему не было досадно; отец его государю бил челом, чтоб после него гетманом быть сыну его, и царского величества на то изволение есть».

Сам Выговский давал знать о гетманстве Юрия Хмельницкого; так, он писал к путивльскому воеводе Зюзину: «Если хочешь знать, кто теперь избран в гетманы, то, я думаю, ты знаешь, как еще при жизни покойного гетмана вся старшина избрала сына его пана Юрия, кото-

рый и теперь гетманом пребывает, а вперед как будет, не знаю; тотчас после похорон соберется рада из всей старшины и *некоторой* черни; что усветуют на этой раде, не знаю. А я после таких трудов великих рад бы отдохнуть и никакого урядничества и начальства не желаю». К Бутурлину в Киев писал Выговский, что польский посол Беневский прислан к ним для хитрости, чтоб отлучить Войско Запорожское от высокой царской руки, но что такой неправде в Войске Запорожском места нет, от царского величества оно во веки веков не отступит.

Зюзин, узнав из письма Выговского о раде, отправил подьячего в Чигирин посмотреть, что там будет делаться. Подьячий приехал в Чигирин 21 августа и тотчас же явился к писарю, Выговский говорил ему: «Царскому величеству я верен во всем, служу великому государю и Войско Запорожское держу в крепости. Как гетмана Богдана похороним, то у нас будет рада о новом гетмане, а мне Богдан Хмельницкий, умирая, приказывал быть опекуном над сыном его, и я, помня приказ, сына его не покину. Полковники, сотники и все Войско Запорожское говорят, чтоб мне быть гетманом, пока Юрий Хмельницкий в возрасте и в совершенном уме будет». Августа 23-го похоронили Богдана в Субботове; 26-го была рада: выбрали гетманом Выговского, дали ему царскую булаву и говорили, чтоб он великому государю служил верно и над Войском Запорожским добрую управу чинил. Выговский отвечал: «Эта булава доброму на ласку, а злому на каранье; потворствовать я никому не буду; Войско Запорожское без страха быть не может». Старшина козацкая, также войты и бурмистры говорили, чтоб новый гетман прочел им всем вслух царскую жалованную грамоту, хотят они знать, на каких волях пожалованы. Гетман прочел грамоту, и все закричали: «Рады великому государю служить вечно!» Подьячий привез Зюзину грамоту от нового гетмана. Выговский, теперь уже Иоанн, а не Иван, писал, что покойный Богдан сына своего и все Войско Запорожское ему в обереганье отдал, а теперь вся старшина и чернь старшинство над Войском ему же вручили и он царскому величеству верно служить будет. Бутурлину Выговский писал: «Ни желания, ни промысла, ни помышления моего о том не было, чтоб быть мне старшим над Войском Запорожским; но, видно, исполняя волю Божию, Войско советными голосами возложило на меня не столько уряд, сколько тягость. Надеюсь, что царское величество будет доволен моими услугами».

Между тем, еще не зная о выборе Выговского, государь отправил в Малороссию стольника Кикина объявить Войску, что царское величество, известившись еще от покойного Богдана о неприятельских замыслах хана крымского, посылает на помощь козакам войско свое под начальством князя Григория Григорьевича Ромодановского и Василия Борисовича Шереметева; сверх того, скоро явятся к ним Алексей Никитич Трубецкой и Богдан Матвеевич Хитрово для рады. Мы видели, что говорил Тетеря о жалованье козакам и как проговорился он, что некоторые будут желать непосредственного подчинения Малороссии царю. В Москве не проронили этих слов, и Кикину велено было говорить рядовым козакам: давали ли им при гетмане Богдане во время походов жалованье? И если скажут, что не давали, внушить, что гетман делал это без воли государя, который назначил им на жалованье сбор с городов и поватов малороссийских, и теперь все это велел рассмотреть и указ учинить князю Трубецкому. Кикин должен был также говорить с войтами, бурмистрами и мещанами наедине, что гетмана не стало, а на города малороссийские наступили неприятели, крымский хан и ляхи, да у них же между собою учинилось смятение; царское величество для их обороны послал войско, а для своих государевых дел – князя Трубецкого с товарищами: так они бы ничем не оскорблялись. А если станут говорить: хорошо было бы, если б великий государь для всяких неприятельских приходов и расправных дел изволил быть у них в городах своим воеводам, то отвечать, что все эти дела положены на князя Трубецкого. А если про воевод и не начнут говорить, то Кикину самому начать, чтоб государевым воеводам быть в черкасских знатных городах для того, чтоб тамошним жильцам от полковников и других людей обид и налогов не было. Кикин должен был везде разведывать: кто у черкас начальней человек, кого больше слушают и кого хотят избрать в гетманы, Юрия ли Хмельницкого или кого другого, и нет ли теперь между черкасами

на полковников какого рокошу, и если есть – за что? И чего между ними чаять? И захотят ли, чтоб в городах были государевы воеводы?

В Украине действительно начинался рокош, но шел он не снизу, а сверху. Присоединение к Москве было делом народного большинства, и большинство это до сих пор не имело никакой причины раскаяться в своем деле. Другой взгляд был у меньшинства, находившегося наверху: для этого меньшинства, для войсковой старшины и особенно для шляхты соединение с шляхетским государством, с Польшею, имело более прелести. Представителем этого меньшинства был именно шляхтич Выговский, сделавшийся теперь, *по избранию меньшинства*, гетманом. Уже и Богдану, привыкшему, во время борьбы с Польшею, распорядиться произвольно, тяжело было подчинение Московскому государству, столь ревнивому к правам своим; уже Богдану тяжело было извертываться пред послами великого государя, требовавшими неуклонного исполнения обязательств. Но старого Богдана за его славу и заслугу щадили в Москве; будут ли щадить Выговского? Последний имел основания решать этот вопрос отрицательно и давно уже устремлял свои взоры на запад, к шляхетскому государству, где сулили ему блестящее, независимое положение, сенаторство. Многие из старшин, прельщенные теми же выгодами, были на стороне Выговского. Но прямо, немедленно объявить себя против Москвы и соединиться с Польшей было нельзя: Польша была слаба, не оправилась еще от тяжелых ударов, нанесенных ей Москвою и Швециею, не могла она собственными силами защитить Выговского и товарищей его от мщениа царского; притом же войско и народ были против подданства Польше; надобно было сначала хитрить и опереться на какой-нибудь другой союз, действительнее польского, и Выговский обратился к хану крымскому, союз с которым так много помог Хмельницкому в начале борьбы его с Польшей. Мы видели, какой сильный гнев возбудило в Крыму известие о подданстве Малороссии московскому царю. Явно помогая польскому королю против козаков, подданных царских, хан не прерывал сношений с Москвою, брал подарки по-прежнему, менялся послами, но послы его твердили: «Царское величество велел бы донских козаков унять, чтоб они крымскому юрту убытков не чинили и на море не ходили; а если царь донских козаков унять не велит и станут отказывать по-прежнему, будто донские козаки у него, государя, в непослушаньи, то у хана есть в степи ногайских татар, вольных людей немало, и они также Московскому государству убытки чинить станут. Царское величество в титуле своем пишет Великую и Малую Русь; у крымского хана Малая Русь была под рукою лет с 7 или 8, но хан Малою Русью не писался, а ныне бог ведает, за кем та Малая Русь будет. Прежде с крымскими послами и гонцами хаживали многие люди, а после это отговорено, и ходят теперь с послами немногие люди: чтоб царское величество указал и теперь людям ходить по-прежнему». Хан писал царю: «В вашей грамоте написано не по-прежнему: „восточной и западной и северной страны отчичь и дедичь, наследник и обладатель“. Таких непристойных титулов предки ваши не писывали: где Москва? Где восток? Где запад? Между востоком и западом мало ли великих государей и государств? Можно было это знать и не писаться всей вселенной отчичем, дедичем и обладателем; так лживо и непристойно писать непригоже!» Когда послы Выговского явились в Крым с объявлением, что новый гетман откладывается от царя московского, то хан не знал, верить или не верить такой радости; ближний человек его, Сефергазы-ага, в разговоре с московским посланником Якушкиным сказал: «Писарь Иван Выговский, узнав, что хан Магмет-Гирей собирается идти на запорожских черкас войною за их воровство и грубость, присылал в Крым гонцов своих сказать, что он, писарь, сделался гетманом и у московского государя в подданстве быть не хочет, хочет быть в подданстве у Магмет-Гирея; но хан его словам не верит, потому что черкасы люди непостоянные». Якушкин возражал, что Сефергазы-ага напрасно называет черкас ворами, воровства их нигде не бывало. Но, сделав это возражение, Якушкин не оставил, однако, без внимания слова Сефергазы-аги и осведомился у преданного Москве князя Маметши-Сулешова, зачем приезжали гонцы от Выговского? Сулешов рассказал все подробно: гонцы приезжали с предложением союза, какой был у козаков с

крымцами при Богдане Хмельницком: Выговский просил, чтоб по заключении союза хан шел вместе с ним разорять Запорожье, потому что московский царь посылает запорожцам жалованье и наущает их на него, Выговского. Хан отправил к Выговскому князя Караша для заключения союза, и Выговский объявил посланному настоящую причину, по которой он отложился от Москвы: московский государь посылает к ним в черкасские города воевод, а он, гетман, у воевод под началом быть не хочет, хочет черкасскими городами владеть сам, как владел ими Богдан Хмельницкий. Вследствие этого хан велел объявить Якушкину, что он готов дать шертную грамоту, но такую, какие давались царю Михаилу Федоровичу, без упоминания о черкасах, потому что запорожские черкасы люди вольные, на мере еще не стали и у царского величества еще не утвердились. Такой шерты московский царь не мог принять, и если хан заключал союз с изменившими царю козаками малороссийскими, то в Москве, разумеется, не имели более побуждений удерживать донских козаков от войны с бусурманами. Еще в мае 1657 года донцы писали царю: «В твоих государевых грамотах к нам писано, чтоб нам с турским и с крымским ханом никакого задора не чинить; и мы твоего царского повеленья не преслушались, с азовцами помирились. Но они души свои потеснили, в миру и в правде своей не устояли, твою вотчину, Черкасский городок, у нас хотели за миром и за душами взять, приходили к нам на приступ с приметом, и мы долгое время от них в осаде сидели и отсиделись, а приходили к нам от хана крымского многие мурзы с таманцами, черкесами горскими, кабардинцами, малыми ногаями, темрюцкими и азовцами; да и теперь слухи приходят, что хан хочет быть к нам сам со многими умыслами и на похвальбе, хочет твою государеву вотчину запустошить, столповую реку Дон и верхние городки». Донцы не остались в долгу, и летом того же года посланники царские в Крыму были свидетелями, как они вошли в устье Алмы, чтоб запастись водой, бились с татарами, которые не хотели давать им воды, жгли деревни. Татары были в ужасе, тем более что хан ушел в поход; они ежечасно ждали нового нападения козаков, покопали глубокие ямы и на ночь сажали туда невольников; ямы закладывали досками и сами спали на этих досках, боясь, чтобы невольники не убежали к козакам. Осенью донцы писали царю, что уже целый год не приезжают к ним торговые люди из украйных городов, из Ельца, Воронежа, Белгорода и Валук, хлебных запасов, пороху и свинцу купить негде, умирают голодной смертью. «А мы, холопы твои, служим тебе с воды да с травы, а не с поместий и не с вотчин». В марте 1658 года великий государь пожаловал, велел послать к ним тысячу рублей денег, тысячу рублей за хлебные запасы, пушечных запасов тридцать пуд, зелья пушечного пятьдесят пуд. У донцов окончательно развязались руки.

Между тем положение нового гетмана малороссийского далеко не было завидным: он был избранник меньшинства и похититель в глазах огромного большинства козаков, для которых законным гетманом мог быть только выбранный вольными голосами на общей раде, а Выговский не мог надеяться такого избрания: за молодым Хмельницким было знаменитое имя, дорогое козачеству; минуя Хмельницкого, были полковники, выдававшиеся вперед заслугами войсковыми, а Выговский был писарь, звание, не пользовавшееся особенным уважением в воинственной толпе; кроме того, Выговский даже не был козак и, что всего хуже для козака, был шляхтич. Попытка Выговского и его приверженцев поднять в козаках недовольствие против Москвы не удалась. Григорий Лесницкий, приехавши по смерти Богдана из Чигирина в Миргород, собрал раду на своем полковничьем дворе, собрал сотников и атаманов и говорил им: «Присылает царь московский к нам воеводу Трубецкого, чтоб Войска Запорожского было только 10000, да и те должны жить в Запорожье. Пишет царь крымский очень ласково к нам, чтоб ему поддались; лучше поддаться крымскому хану: московский царь всех вас драгунами и невольниками вечными сделает, жен и детей ваших в лаптях лычных водить станет, а царь крымский в атласе, аксамите и сапогах турецких водить будет». Сотники и атаманы отказали, что бусурману не хотят поддаваться. Тот же Лесницкий прислал грамоту в Константинов: «Были мы в подданстве у его царского величества на своих волях по смерть гетмана

Богдана Хмельницкого; а теперь идут к нам воеводы Трубецкой и Ромодановский с войском, и вы должны будете давать им кормы и всякую живность; по нашим городам хотят посадить царских воевод и живность им давать, а которые подати брали на короля и на панов, и те подати будут брать на государя; войску быть в Запорогах всего десяти тысячам: остальные будут или мещане, или хлопы, а кто не хочет быть мещанином, тому быть в драгунах». Вслед за этой грамотой Лесницкий прислал другую *лукавством*, отводя чернь от шатости, чтоб прежнею грамотою не тревожились. Сам Выговский, приехав в Корсунь, созвал 11 октября полковников, отдал им булаву и сказал: «Не хочу быть у вас гетманом: царь прежние вольности у нас отнимает, и я в неволе быть не хочу». Полковники отдали ему назад булаву и говорили, чтоб был у них гетманом. «За вольности будем стоять все вместе», – говорили они и приговорили послать к государю бить челом, чтоб все было по-старому. Выговский взял булаву и, подняв ее, говорил: «Вы, полковники, должны мне присягать, а я государю не присягал, присягал Хмельницкий». Тут отозвался полтавский полковник Мартын Пушкарь: «Все Войско Запорожское присягало великому государю, а ты чему присягал: сабле или пищали?» Выговский вынул из кармана московские медные деньги, бросил по столу и сказал: «Хочет нам царь московский давать жалованье медными деньгами; но что это за деньги, как их брать?» Отвечал тот же Пушкарь: «Хотя бы великий государь изволил нарезать бумажных денег и прислать, а на них будет великого государя имя, то я рад его государево жалованье принимать».

Надобно было хитрить с Москвою. Отсюда в сентябре явился любимец государев Матвеев с выговором генеральному писарю и старшинам, зачем не уведомили великого государя о кончине гетмана Хмельницкого, и с приказанием отправить козацкое посольство в Стокгольм для склонения шведов к миру. Выговский оправдывался: в самый день смерти гетмана приказал было он трем гонцам ехать в Москву с этою вестью; но начальные люди стали волноваться и говорить, будто он, желая получить гетманство, посылает своих людей от себя, а не от Войска Запорожского; это и заставило его дать знать о гетманской смерти киевскому воеводе Андрею Васильевичу Бутурлину и князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому. В Швецию обещал писать, чтоб король не надеялся на Запорожское Войско, которое будет действовать против него, если он не помирится с Москвою. Выговский говорил с Матвеевым только как писарь, но Матвеев же привез царю известие, что Выговский избран в гетманы, и 18 октября государь отправил к Выговскому, уже как к гетману, стряпчего Рагозина с известием о рождении царевны Софии Алексеевны. Везде по дороге простые козаки рассказывали Рагозину, что Грицка Лесницкий отводил их от государя, но что они и мещане не согласились; рассказывали, что Запорожье шатается. Выговский говорил Рагозину: «Из Запорожья поехали воры бить челом царскому величеству: так великий государь изволил бы держать их у себя или бы пожаловал, ко мне изволил прислать, чтоб вперед ссоры не было; они себе выбрали другого гетмана. Если великий государь отпустит их в Запороги, то у меня для них поставлены заставы по всем дорогам, чтоб их переловить. Да я же не велю к ним торговых людей с запасами пропускать, и им будет есть нечего». При Рагозине приехали из Запорожья козаки с листом к гетману, били челом, чтобы он в Запороги не ходил и никого не посылал, потому что воры-заводчики, бунтовщики все разбежались; посланцы били челом, чтобы гетман велел пропускать к ним торговых людей с запасами. Выговский отвечал им: «Когда пришлют ко мне Барашенка, то я войска на них не пошлю и торговых людей велю пропускать», И на возвратном пути козаки повторяли Рагозину: «Мы все ради быть под государевою рукою, да лихо наши старшие не станут на мере, мятутся, только чернь вся рада быть за великим государем». В Лубнах наказный войт Котляр говорил посланнику: «Мы все были ради, когда нам сказали, что будут царские бояре и воеводы и ратные люди; мы, мещане, с козаками и чернью заодно. Будет у нас в Николин день ярмарка, и мы станем советоваться, чтоб послать к великому государю бить челом, чтоб у нас были воеводы».

Но в то время как Рагозин ехал в Чигирин, в Москву приехали козацкие посланники – есаул Минеvский и сотник Коробка с известием, что Выговский избран в гетманы, и с просьбой от всего Войска Запорожского, чтобы великий государь утвердил избранного и дал ему такую же грамоту, как и Хмельницкому. Посланцы рассказывали: «В войске и в городах все тихо, посылок ссорных от польских людей не слыхали, и шалости у нас ни от кого нет; хотят все единодушно быть в подданстве вечном у великого государя. Учинил было бунт Лесницкий, внушал людям, будто государь велел посадить по малороссийским городам воевод и вольности козацкие велел поломать. Но гетман Иван Выговский, слыша то, козаков разговорил, чтоб они этому не верили, на полковника Грицка гневается и ни в какую раду пускать его не велел, и, когда Ивана Выговского выбирали в гетманы, в то время Грицка в раду не пускали. Как великий государь гетмана пожалует, прежние привилеи велит подтвердить, то гетман полковника Грицка переменит. Бунтует в Запорогах козак Барабашенок с своевольниками гультиями и хочет учинить в Запорожье армату, такую же, какая в Войске при гетмане; а всему этому заводчик Грицка Лесницкий, потому что хотел на гетманство, и как по его мысли не случилось, то он в своем полку многие смутные речи вмещал; прошлого года, как ходило Войско Запорожское против татар, наказным гетманом был Грицка; Хмельницкий дал ему булаву и бунчук, и как гетмана Богдана не стало, то Грицка булавы и бунчука отдать не хотел; Иван Выговский посылал для того к нему гетманова сына Юрия, но Грицка и ему булавы и бунчука не отдал, держал их у себя целую неделю, так что полковники, собравшись, должны были брать их у него силою. Так теперь Грицка, злясь на гетмана Выговского и на полковников, бунт и заводит».

Посланцам заметили, что на челобитной, ими привезенной, нет рук челобитчиков, ни обозного, ни судьи, ни полковников. Спросили: при избрании Выговского много ли полковников, сотников и черни было? И запорожцы были ли, и не было ли от них рокоша? Посланцы отвечали: «На первой раде в Чигирине были полковники и чернь немногие; запорожские козаки были, и рокошу от них никакого не было. А как была другая рада в Корсуни, то на ней были полковники и козаки всех полков, со всяким сотником было черни человек по 20. На этой раде гетман Иван Выговский клал булаву и бунчук и говорил Войску, чтоб они гетмана выбрали, кого себе излюбят, и из рады поехал было вон, но Войско, догнав его, упросило, чтоб он был гетманом, и булаву и бунчук ему дали. Из Запорог на этой раде козаков не было потому: если бы за ними посылать, то в этом прошло бы недели три или четыре; да и посылать за ними было не для чего, потому что в Запорогах живут наши же братья козаки, переходят из городов для промыслов, и иной который пропьется или проиграется, а жены их и дети живут все по городам; а присылали на эту другую раду запорожские козаки с листом о войсковом деле».

Но бояр не удовлетворяли эти рассказы; смущали их названия: *Войско Запорожское*, *гетман Войска Запорожского*, а между тем гетманские посланцы с таким пренебрежением отзывались о Запорожье! Посланцам даны были еще вопросы: гетманы в Запорожье ли живали или в городах, и откуда гетманов выбирали, и гетман Богдан Хмельницкий откуда выбран? Посланцы отвечали: «Прежде гетманы и Войско больше живали в Запорогах, потому что в то время были у них добычи, ходили челнами на море, а теперь им на море ходить уже нельзя. Гетман Богдан Хмельницкий выбран был в Запорогах же, и сам он был запорожанин». Посланцев спросили: не чают ли они вперед от Запорожья бунта, потому что запорожцев на второй раде не было? «Бунта не ждем, – отвечали посланцы, – потому что Выговского выбрали всем Войском; но лучше было бы сделать так: пусть великий государь пошлет в Войско кого ему угодно, тот посланный соберет всех полковников, сотников, чернь городовую и из Запорожья, учинит раду большую вновь, и кого на этой раде в гетманы выберут, тот бы уже был прочен и царскому величеству присягу дал; да и гетман Иван Выговский желает того же, потому что уже тогда он никого бояться не станет, в Войске и в черни никакой смуты не будет; если же выберут кого-нибудь другого, то он, Иван, этим не оскорбится». Где же лучше собрать раду? – спросили их. «Всего лучше в Переяславле, – отвечали они, – потому что место людное и всем людям

съезд близок». Посланцы были отпущены с грамотой, в которой государь писал Войску, что для утверждения новоизбранного гетмана посылает окольного Богдана Матвеевича Хитрово.

Мы видели, какие меры принимал Выговский, чтобы не пропустить посланцев из Запорожья в Москву; он убежал к Морозову, к которому писал: «Просим твоей милости, изволь пред его царским величеством за пас ходатаем быть, чтоб великий государь своевольникам, о вере и прямой службе не радящим, не изволил верить, чтоб посланцев их покарал, потому что эти своевольники о вере не радеют, о службе царской не думают, жен, детей, пожитков и доходов никаких не имеют, только на чужое добро дерзают, чтоб было им на что пить, зерню играть и другие богу и людям мерзкие бесчинства творить; а мы за веру православную и за достоинство царского величества при женах, детях и маетностях наших всегда умереть готовы».

Страшные запорожцы, однако, пробрались мимо всех застав Выговского, в ноябре явились в Москве, били челом от кошевого атамана Якова Федоровича Барабаша и объявили: «Хотя по сие время все Войско Запорожское и вся чернь, городская и запорожская, великие обиды и притеснения терпят от гетмана городского и от всех полковников и других начальных людей в городах, однако они молчали до вашего царского указа. Но теперь все Войско Запорожское увидало от городских старшин против вашего царского величества великую измену; чернь Войска Запорожского узнала подлинно, что еще при жизни Богдана Хмельницкого вся старшина, гетман и все полковники присягу учинили неведомо для чего с князем Седмиградским Рагоци, с королем шведским, с воеводами молдавским и волошским и к царю крымскому посылают грамоты: все это измены вашему царскому величеству! Чернь Войска Запорожского на это не произволяет и никакой измены делать не хочет; из городов к нам на Запорожье бегут и сказывают, что старшие городские от вашего царского величества отступили». Посланцев спросили: «Какие обиды гетман им делает?» Они отвечали: «Рыбы в речках ловить не велит и вина на продажу держать; отдают все это на аренду, а все поборы собирает гетман себе, в Войско ничего не дает, говорит, будто казну держит на посольские расходы, но послов принимает и отпускает он без указа, чего не довелось делать, при польских королях гетманы этого не дельвали». Спросили: «Чего же запорожцы хотят теперь?» Посланцы отвечали: «Хотим, чтоб послан был в Войско ближний человек и собрал раду: на этой раде выбирать в гетманы, кого всем Войском излюбят». Спросили: «Где раду собрать, в Киеве?» Козаки отвечали: «В Киеве из Запорожья собираться далеко: лучше раде быть под городом Лубнами, на урочище Солянице: это место середина». Потом стали говорить, чтобы быть раде в Запорожье, потому что и прежние гетманы выбирались из Запорог, тут у них столица запорожская. Им отвечали: «Несхожее дело, что раде быть в Запорожье, место дальнее и от неприятелей опасно; лучше быть раде в Киеве, потому что тут столица Малой России, в Киеве духовные власти и всякие урядники; также и в Лубнах раде быть непристойно, место малое, да и гетман Выговский, опасаясь их, туда на раду не поедет». Но посланцы настаивали на Лубнах. После этого разговора у них спросили: «Когда умер Хмельницкий, то у черни на Выговского и полковников была молва и говорили: лучше, если б были у них в городах царские воеводы; так теперь вам надобно ли, чтоб в знатных городах были воеводы и городские всякие дела ведали, а полковники ведали бы только войсковые дела?» Посланцы отвечали: «Об этом мы давно у царского величества милости просить хотели, вся чернь и мещане тому рады, да не допускают до того полковники для своей корысти». Насчет Выговского посланцы сказали: «Выговского мы гетманом отнюдь не хотим и не верим ему ни в чем, потому что он не природный запорожский козак, а взят из польского войска на бою при Желтых Водах; Богдан подарил ему жизнь и сделал писарем; но он, по своей природе, Войску никакого добра не хочет, да у него и жена шляхтянка из знатного дома, и та потому же Войску Запорожскому добра не хочет». Государь отпустил и этих посланцев с тем, что высылает окольного Хитрово на раду, которая будет в Переяславле.

Так ясно высказались в Малороссии две враждебные стороны: сторона старшины и сторона черни, представителем которой было Запорожье, наполненное людьми без семейства и

собственности, как писал Выговский. Борьба этих сторон, неумение соединиться в общих интересах страны уже готовили Малороссии судьбу Новгорода Великого. Москва с своим началом уравнивания была тут и со своим обычным постоянством при всяком удобном случае задавала вопрос: «Ссоритесь, обижаете друг друга: не хотите ли воевод его царского величества?» И мы видели, что в Малороссии шли навстречу этому вопросу: посланцы запорожские, войт лубенский просили воевод; о том же писал к Ртищеву нежинский протопоп Максим Филимонов: «Изволь, милостивый пан, советовать царю, чтоб, не откладывая, взял здешние края и города черкасские на себя и своих воевод поставил, потому что все желают, вся чернь рада иметь одного подлинного государя, чтоб было на кого надеяться; двух вещей только боятся: чтоб их отсюда в Москву не гнали да чтоб обычаев здешних церковных и мирских не переменяли. Мы их обнадеживаем, что царь этого не желает, желает только веры и правды нашей. Мы все желаем и просим, чтоб был у нас один господь на небе и один царь на земле. Противятся этому некоторые старшие для своей прибыли: возлюбивши власть, не хотят ее отступить; пугают народ, что как скоро царь и Москва возьмут его в свои руки, то нельзя будет крестьянам в сапогах и в суконных кафтанах ходить, в Сибирь или на Москву будут загнаны; для того царь и попов своих пошлет, а наших туда же погонят. Слышим, что должен прийти сюда князь Трубецкой: пусть приходит, чтоб скорее конец был с панами нашими начальными».

Между тем уже семь недель стоял в Переяславле с войском князь Григорий Григорьевич Ромодановский, дожидаясь гетмана, чтобы условиться с ним о военных действиях. 25 октября приехал в Переяславль Выговский; московский воевода встретил его упреками: «И покойный Хмельницкий и ты писали государю, что на вас наступил хан крымский вместе с поляками, и просили помощи; я по государеву указу поспешил к вам из Белгорода, вот уже семь недель стою в Переяславле, несколько раз писал к тебе, чтоб ты сюда приехал, и ты только теперь явился, а между тем царского величества ратным людям запасов и конских кормов не давали, и много ратных людей от этого разбежалось, лошади от бескормщины попадали, и если вы запасов давать не будете, то мне велено отступить в Белгород». Выговский отвечал: «Мы за царскую премногую милость челом бьем, приходу твоему ради, виноваты, что по сие время ратным людям запасов было скудно: после Богдана Хмельницкого я на гетманстве не утверждался долгое время, до Корсунской рады, многие мне были непослушны, а теперь царского величества ратным людям дворы и запасы будут нескудные. Неприятеля ляхи все в сборе, и татар 20000 наготове, ждут, чтоб между нами в Войске Запорожском смута и рознь какая-нибудь началась или чтоб государевы ратные люди отступили: тогда они на черкасские города и придут. Если ты с войском своим отступишь и оттого кровь христианская прольется, то буди царская воля, но на ком великий государь изволит за это взыскать? После Богдана Хмельницкого во многих черкасских городах мятежи и шатости и бунты были, а как ты с войском пришел, и все утихло. А в Запорожье и теперь мятеж великий, старшин своих хотят побить и поддаться крымскому хану. Я иду их усмирить, а ты, князь Григорий Григорьевич, перейди с своим войском за Днепр и стой за Днепром против неприятелей ляхов и татар; черкасского войска будет с тобою несколько полков, а я, управляясь с бунтовщиками, буду к тебе за Днепр тотчас же. Бунтовщики многие говорят, будто мы царскому величеству служим не верно, но мы живым богом обещаемся, клянемся небом и землею, не покажи, господь, на нас милости, если мы какую-нибудь неправду мыслили или вперед будем мыслить». Ромодановский сказал на это: «Без повеленья царского за Днепр не пойду, стану писать об этом к великому государю».

Выговскому очень хотелось удалить Ромодановского с царским войском за Днепр, на польские границы; но в Москве, слыша беспрестанно и от Выговского, и от врагов его о волнениях и вредных замыслах, хотели стать крепкою ногою в черкасских городах, ввести туда воевод. Хитрово, приехав в Переяславль для рады, прежде всего начал говорить гетману о воеводах, чем, разумеется, заставлял его и приверженцев его торопиться делом отпадения. «Великий государь, – начал Хитрово, – велел тебе, гетману, и всему Войску Запорожскому

говорить вслух: когда вы были под властью королей польских, в то время в городах никаких крепостей делать вам не позволялось, и когда вы учинились под государевою рукою, то неприятели ваши, ляхи и крымские татары, многие города и места в Малой России запустошили. Великий государь, видя на вас неприятельские нахождения, оборонял вас своими ратными людьми, а в Киеве велел устроить город крепкий. Вы и сами такую царскую милость выставляете. Так великий государь, желая, чтоб Войско Запорожское было от неприятельских безвестных приходов в бесстрашии, изволил в знатных городах малороссийских, Чернигове, Нежине, Переяславле и других, быть своим воеводам и ратным людям и крепить эти города; полковники будут ведать козаков и расправу между ними по войсковому праву чинить, а в городах мещан будут ведать войты и бурмистры по их правам, а воеводы станут ведать осадных людей, судить и расправу чинить по вашим правам; поборы подымные и с аренд собирать в войсковую казну и давать на Войско Запорожское, как на службу пойдет, и осадным ратным людям, которые будут при царских воеводах». Выговский, чтоб оттянуть страшное дело, отвечал письменно: «Мы постановили быть воеводам в городах Малой России, а в каких городах им быть, об этом доложу вашему царскому величеству, когда, бог даст, увижу ваши пресветлые очи». Потом Хитрово говорил, что Старый Быхов сдался на царское имя, а залога (гарнизон) в нем козацкая: так пусть гетман прикажет козакам выйти из Быхова, потому что этот город издавна принадлежит к Оршанскому повету. На это Выговский отвечал, что готов исполнить царскую волю. Хитрово повторил также старую жалобу на прием беглых крестьян: от помещиков и вотчинников брянских, корачевских и путивльских бегут крестьяне толпами в черкасские города, Новгород Северский, Стародуб, Почеп, и, приходя из этих городов к старым своим помещикам и вотчинникам, жен и детей их бьют, грабят и в избах заваливают, людей их и крестьян с собою вывозят со всем имением. Гетман обещал разыскать и карать полковников, виновных в приеме крестьян. Наконец Хитрово сделал Выговскому следующий упрек: «Гетман Богдан Хмельницкий в грамотах царскому величеству писался верным слугою и подданным, а ты теперь, Иван, написался вольным подданным, и так тебе к царскому величеству писать не годилось». Кроме гетмана Ивана Выговского Хитрово нашел в Переяславле обозного, судью, полковников, сотников и много черни. Несколько времени дожидались полтавского полковника Мартына Пушкаря; потом начали говорить, что ждать больше нельзя, все разъедутся и если Пушкарь так долго не едет, то это неспроста, приедет с войском и начнется междоусобие. Тогда Хитрово созвал раду и объявил, чтоб все Войско выбирало себе гетмана кого хочет, по своим волям. Старшины и чернь отвечали единогласно, что выбран в гетманы всем Войском Иван Выговский и люб он всем. Тут Выговский положил булаву и сказал, что не хочет гетманства, потому что многие люди в черни говорят, будто он на гетманство захотел сам собою и будто выбрали его друзья. Обозный, судья, полковники и вся чернь стали его упрашивать, чтоб держал булаву по их единогласному избранию, и гетман, по прошению всего Войска, булаву принял и присягнул великому государю. Дело казалось конченным, но вот скачет гонец из Полтавы и подает Хитрово грамоту: Пушкарь пишет, что приедет в город Лубны, где должна быть новая рада о гетманском избрании, а Переяславская рада не в раду. «Приезжай в Переяславль видеться со мною», – отвечает окольный, но Пушкарь не едет; возвращается посланец Хитрово и доносит, что у полтавского полковника живут посланцы запорожского кошевого Барабаша – Михайла Стрынжа с товарищами – и при Пушкаре говорят про Хитрово многие бесчестные речи к большой ссоре.

Прошел 1657 год. В начале 1658-го Выговский казнил смертью в Гадяче несколько начальных людей, ему неприязненных; с Пушкарем пытался было он покончить миром; но Пушкарь забил в кандалы и отослал в заточение посланца гетманского, сказавши: «Выговский хочет и со мною помириться так же, как помирился в Гадяче с братьями нашими, которые лучше его будут, головы им отсек, но со мною ему так не сделать». Выговский, узнавши о судьбе своего посланца, отправил против Пушкаря полковника Богдана с козаками и Ивана

Сербина с сербами своей гвардии, всего полторы тысячи. Но Пушкарь уже успел призвать к себе запорожцев, которые, вместе с полтавскими козаками, 25 января разгромили отряд Богдана и Сербина под Диканькою, побили у них человек 300, после чего Пушкарь, усилив себя войском, набранным из всякого рода людей, выгнал Лесницкого из Миргорода, где полковником был провозглашен Степан Довгаль. Новый митрополит киевский Дионисий Балабан грозил Пушкарю проклятием за междоусобие; Пушкарь отвечал: «Вся чернь Войска Запорожского не хочет иметь Ивана Выговского гетманом. Только когда состоится общая рада и вся чернь днепровская единомысленна будет с чернью городовою всего Войска Запорожского, тогда, по царским жалованным грамотам, вольно будет Войску Запорожскому, всей черни улюбить того же пана Ивана Выговского и принять на гетманство, и я готов то же сделать вместе со всею чернью Запорожского Войска и быть во всем послушным. Все, что теперь делается, делается не по моему хотению, а по воле божией; делают это все Войско и вся чернь, по жалованным грамотам, и меня одного от себя отпустить к пану Выговскому не хотят. Вместе с посланцами, бывшими у царского величества, все Войско из Запорожья выгреблось и с городовым Войском Запорожским для рады генеральной соединилось, а не для каких-нибудь бунтов. Что мы бунтовщики, этого на нас никогда никто не докажет, и мы готовы во всем перед царским величеством оправдаться, только пусть едут в Москву пан Иван Выговский и пан Григорий Лесницкий. А что ваша пастырская милость грозите своим неблагословением, то налагайте его на кого-нибудь другого, кто неверных царей принимает, а мы одного православного царя держимся. Послали мы на войну православных христиан, охраняя собственную жизнь, видя наступление врагов, а междоусобной брани между народом христианским и Войском Запорожским не было и не будет. А можно было некоторое время и в Переяславле подождать Войска Запорожского, которое уже выгреблось из Запорожья, также и городового войска подождать». 8 февраля Пушкарь прислал в Москву первый извет свой на Выговского, писал, что гетман – изменник государю, помирился с ляхами и Ордою и что он, Пушкарь, слышал об этом от Юрия Хмельницкого.

Выговский не ехал в Москву, как приглашал его Пушкарь, давал знать государю, что непременно бы приехал видеть его пресветлые очи, если бы не задерживали его внутренние смуты и вести о враждебных движениях ляхов, татар и турок. Вместо гетмана в апреле явился в Москву уже известный здесь Григорий Лесницкий. Посланный жаловался, что по отъезде Хитрово из Переяславля гетман Выговский спокойно отправился в Чигирин, но в это время по наученью Пушкаря Ивашка Донец, бывший в Москве посланцем от Барабаша, собрал несколько сот гультяев, приходил войною на Чигиринский полк и многих людей побил и пограбил, распуская слухи, что нынешней весною по траве будет новая рада на Солонице. Выговский созвал раду в Чигирин и объявил, что оставляет гетманство, видя нестроение в Войске, но полковники насилу уговорили его не покидать булавы и теперь послали его, Лесницкого, бить челом, чтобы великий государь послал приказ Пушкарю отстать от своевольства и быть с гетманом в соединении, да чтоб великий государь послал сделать перепись между козаками, написать 60000, и вперед бы гультяям в козаки писаться было не вольно; а теперь от этих гультяев большой мятеж учинился, потому что всякий называется козаком; также переписать все доходы и реестровым козакам давать жалованье. Таким образом, теперь вследствие образования партий – старшины и черни – сам гетман просит о том, чего при Хмельницком так добивалось польское правительство и чего не хотел исполнить Богдан, ибо гультяйство, исключенное из реестра, поднимало возмущения. С другой стороны, если бы московское правительство исполнило просьбу гетманскую, приняло меры против гультяйства, то этим возбудило бы против себя сильное неудовольствие, чего именно желал Выговский. В Москве, однако, остереглись; боярин Шереметев, бывший в ответе с Лесницким, заметил ему: «Не будет ли бунта, когда многие козаки останутся за реестром?» Лесницкий отвечал: «Надобно послать из Москвы комиссаров знатных людей с войском, чтоб в Войске Запорожском было страшно».

Лесницкий пошел дальше: когда ему сказали, что великий государь, по челобитию Выговского, в знатных городах велел быть своим воеводам, то он отвечал: «На премоной милости царского величества гетман и все Войско челом бьют, потому что этим в Войске бунты усмирятся; да хотя бы великий государь и в иных городах изволил воеводам быть, то у них бы в Войске было гораздо лучше и смирнее; изволил бы великий государь послать в Войско Запорожское своих воевод и ратных людей для искоренения своеволия».

Но в то время, когда Лесницкий так ловко подделывался под желания московские, так ловко старался показать, что интересы царя и гетмана одинаковы, Пушкарь постоянно держал Москву в тревоге своими извещениями. Он писал государю (11 марта и 26 апреля): «Выговский изменил богу и вашему царскому величеству, помирился с Ордою, ляхами и с иными землями и замысел имеет извовать Запорожье. Выговский дал города по Ворскле Юрию Немичу-лютеранину, чего Хмельницкий без указа царского не дельвал; Выговский держит у себя много сербов, немцев и ляхов. С тех пор как Выговского поставили гетманом без совета всей черни, не держит он при себе ни одного козака, все держит иноземных людей, от которых нам обиды нестерпимые делаться начали. Окольничий Хитрово Выговскому без полевой рады и без всей черни в Переяславле на церковном месте гетманство дал, булаву и все украшение войсковое в руки отдал, а в прошлые годы всегда в Войске Запорожском в поле общею радостью гетманов и полковников и иных старшин по любви войсковой избирали». Пушкарь просил, чтобы государь сам приехал в Малороссию, в Киев, с патриархом, с сыном, с ближними боярами и думными дьяками всех подданных своих в Малороссии милостивыми очами рассмотреть. Посланец его Искра объявил, что полковники полтавский, нежинский, миргородский и всего Войска Запорожского городовая и запорожская чернь бьют челом на гетмана Ивана Выговского и на бывшего миргородского полковника Лесницкого, которые великому государю никакого добра не хотят и чают в них измены; так чтоб великий государь пожаловал, велел Выговского от гетманства отставить, а назначить гетмана и полковников новых и велел бы им для этого собрать раду. Бояре спросили Искру, какие измены он знает за Выговским? Искра отвечал: «Без указа ссылался с неприятелями царского величества, послов их к себе принимал и отпускал, венгерского Рагоцу хотел посадить на Польское королевство». Бояре говорили: «На Переяславской раде выбрали единогласно Выговского, и никто тогда в измене его не обвинял; Выговский присягал при митрополите и при всем духовенстве; теперь новой рады собирать не для чего, потому что это дело уже вершное». Искра отвечал: «Переяславская рада была не настоящая, были на ней только те полковники, которые с Выговским в одной мысли, а с ними сотников и черни у полковника человек по десяти и меньше». Бояре продолжали: «Что Выговский иностранных послов принимал, в том он повинился, и потому измены от него нет». Искра возражал: «Измена есть: после рады послал Павла Тетерю в Польшу». Бояре отвечали: «Несхожее дело, что гетману, учиня такое крепкое обещание, тотчас же измену задумать! Хотя и послал куда Тетерю, так не для измены же».

Не видя в извещениях Пушкаря оснований к обвинению в измене, царь приказывал полтавскому полковнику не затевать смуты, повиноваться гетману. Но пришел извет из Киева, от Бутурлина. Воевода доносил, что 19 мая прислана в Киев грамота о неправдах Выговского, который призвал к себе Орду и, сославшись с ляхами, хочет все православное христианство выдать в неволю; митрополит и все духовенство, киевский полковник Павел Яненко-Хмельницкий, племянник покойного Богдана, мещане и всяких чинов люди, киевские и приезжие, беспрестанно говорят ему, Бутурлину, что Выговский привел Орду, с поляками ссылается, а государевых ратных людей у них в городах нет, и они боятся, чтоб, сошедшись вместе, поляки и татары над ними не сделали чего-нибудь дурного; говорили они ему, воеводе, с большим усердием, со слезами, чтоб великий государь, для обороны христианской, велел прислать поскорее своих бояр и воевод с людьми ратными. Известие это опоздало. Еще в апреле государь был встревожен слухами, что Выговский призывает татар и хочет с ними двинуться против Пуш-

каря. Немедленно был отправлен в Малороссию Иван Опухтин с приказанием, чтоб гетман не смел самовольно расправляться с своими противниками, не смел приводить татар в Малороссию, а ждал бы царского войска. Опухтин, на жалобы Выговского, вызывался сам ехать к Пушкарю с царской грамотой и уговорить его быть послушным гетману; но Выговский не пустил Опухтина в Полтаву и 4 мая, в присутствии посланника, повторяющего царский запрет, выступил из Чигирина к Полтаве на Пушкаря. На другой день Опухтин пошел в соборную церковь и говорил духовенству, чтобы оно написало от себя гетману, запретило ему ходить с татарами войною на православных христиан, пусть ждет указа великого государя. Но и это не помогло. Вслед за Опухтиным отправлен был из Москвы с таким же запрещением Петр Скуратов, который нашел Выговского уже в обозе под Голтвою. Когда в царской грамоте прочли титул, то гетман сел на постель, пригласил сесть и посланника но тот отвечал, что надобно стоя выслушать грамоту. «Все у вас высоко», – сказал Выговский, однако дослушал грамоту стоя и потом начал говорить: «Все это ничего, грамотами Пушкаря не унять, взять было его да голову отсечь либо прислать в Войско Запорожское. Я к великому государю писал много раз, чтоб Пушкаря велел смирить до Велика дня, а если не изволит его смирить, и я сам с ним управлюсь; можно было его по сю пору смирить, так бы православные христиане были целы, которых он побил; я терпел, ждал царского указа, а то бы еще зимою Пушкаря смирил мечом да огнем. Я и булавы брать не хотел, хотел жить в покое. Окольный Богдан Матвеевич Хитрово хотел взять Пушкаря и привезть ко мне, но не только не привез, а еще больше ему повадку сделал, дал ему соболей да отпустил; а к Барабашу нечего писать, Барабаш теперь с Пушкарем. Мы присягали великому государю на том, что прав наших не порушать, а по нашим правам нельзя полковнику и никому давать грамот, кроме гетмана; всем управляет один гетман, а вы сделали всех гетманами, дали Пушкарю и Барабашу грамоты, и от этих грамот бунты начались. Когда мы присягали, в то время Пушкаря не было, все это сделал покойник Богдан Хмельницкий да я, иных статей никто и не знал: не надобно было тогда и начинать этого дела. Пушкарь пишет, что позволено им на четыре года взять на всякого голика по десяти талеров на год, а на сотников больше: как будто завладели мы шестьюдесятью тысячами талеров! Иду на Пушкаря и смирю его огнем и мечом, везде его достану, хотя в царские города уйдет; кто за него станет, тому самому от меня достанется: а государева указа долго ждать. Я перед Пушкарем не виноват, не я начал – он, хочу с ним биться не за гетманство, а за свое здоровье. Дожидаюсь рады: покину булаву и пойду к волохам, или к сербам, или к молдаванам: они мне будут рады. Великий государь нас жаловал, а теперь верит ворам, которые ему, государю, не служили, на степи его людей побивали и казну грабили, тех жалует, посланцев их принимает, деньги им и соболей дает, а таких бунтовщиков надобно было присылать в Войско Запорожское. Обычай у вас такой, что все делать по своей воле. Первые бунты начались в Войске от посланца царского Ивана Желябужского, который послан был к Рагоци. И при королях польских так же было: как начали вольности наши ломать, так за то и стало».

Выговский говорил также Скуратову: «Многие пристают к Пушкареву совету; у полковников, которые теперь при мне, не много людей, другие идти не хотят, и если бы я не пошел, то все бы пристали к Пушкарю». Действительно, встала сильная рознь: одни были за Выговского, другие – за Пушкаря; Лубны заперлись от полков Выговского, которые должны были силою пробиваться через город, но миргородцы свергнули своего полковника Довгаля и посадили под стражу за преданность делу Пушкаря. Козаки из Голтвы не пошли за Выговским в поход, и гетман велел объявить им, что если не пойдут, то на возвратном пути он всех их перебьет и город сожжет; козаки испугались и выступили в поход. Малороссия делилась уже Днепром: по левую сторону жители всех городов желали, чтобы были у них воеводы государевы, а на правой стороне козаки говорили: «Пушкарь хочет, чтоб быть государевым воеводам, но у нас этого никогда не будет».

Испуганные Ордою, Барабаш и Пушкарь написали Выговскому 14 мая: «Доброго здоровья и всяких радостных потех милости твоей от господа бога желаем. Ведомо учинилось нам, что ты, подняв Орду, хочешь огнем и мечом искоренять города украинские. Бог свидетель, что мы стоим в поле, слышав приход иноземных людей, оберегая свое здоровье. Теперь от его царского величества приехал к нам стольник Алфимов для успокоения, чтоб между народом христианским кровопролития не было, чтоб мы между собою мирно жили и у тебя в послушании были. Мы против царского повеления, что против божия, не можем стоять, полагаемся на государеву волю и просим твою милость, прости нам наше неисправление пред тобою, а вперед, по царскому повелению, мы у тебя всегда в послушании будем, как и другие полковники, только будь милостив и отошли Орду назад в Крым, а царских и заднепровских городов ей не отдавай и в плен христиан не вели брать».

Но Выговский не обратил внимания на это письмо, 17 мая выступил из-под Голтвы и остановился в десяти верстах от Полтавы, где Пушкарь и Барабаш заперлись, выжегши посады. Новый посол царский, Василий Петрович Кикин, хлопотал о примирении; по его письмам и словесным увещаниям Пушкарь договорился было с Выговским помириться за присягою, что гетман не будет мстить ни ему и никому из его товарищей; Выговский дал требуемую присягу перед Кикиным, и Пушкарь собирался ехать вместе с последним в обоз гетманский, но полтавские козаки и запорожцы, пришедшие с Барабашем, не выпустили его из города и запретили мириться с Выговским. Узнав об этом, гетман хотел немедленно двинуться под Полтаву; Кикин удержал его, но не мог удержать Пушкаря, который в ночь на 1 июня вместе с Барабашем и Довгалем напал на гетманский обоз, выбил из него Выговского и все его войско, захватил артиллерию, скарбы гетманские и пожитки козацкие. Кикин едва спасся от смерти, но когда рассвело, Выговский оправился, ударил на врагов и вытеснил их из обоза, причем Пушкарь был убит, а Барабаш с немногими людьми ушел в Полтаву; говорили, что побежденные потеряли на этом бою около 8000 человек, победители – с 1000. На другой день к Выговскому явились из Полтавы игумен, священники, козаки и мещане с повинною; гетман поклялся, что не будет им мстить, но как скоро ворота городские отворились, то козаки его и татары ворвались в Полтаву, стали жечь, грабить, не пощадили и монастыря, а татары начали забирать в плен жителей. «Где ж твоя клятва?» – говорил Кикин Выговскому, и тот сам ездил в Полтаву выбивать козаков и татар, посылал и к начальнику татарского отряда с просьбою освободить пленных полтавцев.

С торжеством возвращался гетман в Чигирин, но на дороге встретил его козак с листом от белоцерковского полковника; сидя на лошади, Выговский распечатал письмо и нахмурился, прочитав недобрые вести: полковник уведомлял, что киевский воевода Андрей Васильевич Бутурлин дал ему знать о прибытии в Киев царского воеводы, назначенного в Белую Церковь. «Воеводы приехали опять бунты заводить», – говорил гетман в сердце Скуратову: «Пиши, Андрей Васильевич, да сам берегись!» Скуратов возразил: «Не делом ты, гетман, сердишься: сам ты великому государю писал, чтоб быть в черкасских городах воеводам». «Что я к великому государю пишу, – отвечал Выговский, – над тем в Москве смеются; никогда я не писал о том, чтоб в Белой Церкви воеводе быть; как воевода приехал, так и поедет, ничего я ему давать не велю. Государевы воеводы должны приезжать ко мне и уже от меня в города ехать, а то я ничего не ведаю, а они по городам едут. В Киеве государевы люди по сю пору с черкасами беспрестанно киями бьются. Теперь я с самовольниками сам управился, государевы воеводы и ратные люди мне больше не надобны, они только бунты начнут. Который злодей у нас что сделает и уйдет в государевы украинные города, то воеводы его нам не выдают; так и я тех воров, которые прибегут ко мне из государевых городов, отдавать не хочу. С Пушкарем на бою государевы люди были: мои немцы у них и барабан взяли. Государь меня тешил грамотами и по сю пору нарочно мешкал. У короля польского нам было хорошо: придут к нему, скажут о чем надобно, и указ тотчас. Вам надобен такой гетман, чтоб, взявши за хохол, водить». Скуратов отвечал: «Я с тобою вместе на бою был, государевых людей с Пушкарем никого не видал, и

ты мне их тогда ни одного не показал; а что взят барабан, и то не барабан, а бубен, да если бы и настоящий барабан был, так что ж из этого? Черкасы в Москву и в украинные города приезжают и покупают что им надобно. Ты говоришь, что хорошо вам было при королях польских: плакать вам надобно, вспомнивши об этом времени, когда благочестивые христиане от злого гонения прилагались к латинской вере, а теперь благочестивая вера множится, и милостию государевою от всех неприятелей вы защищены: так тебе бы таких высоких слов не говорить. О каких делах пишешь ты к великому государю, ответ дается немедленно, а что твои посланцы к тебе приезжают поздно, так они мешкают за своими забавами да и оправдываются тем, что их в Москве задерживают. Надобно тебе самому к великому государю ехать челом ударить: тогда сам государскую милость увидишь. Говоришь, что о государевых воеводах ничего ты не знал; но со мною прислана к тебе царская грамота, велено отписать в города, чтоб воевод приняли честно, что воеводы из Москвы отпущены; ты у меня эту грамоту принял, прочел и ничего тогда не сказал, а теперь, когда воеводы приехали, ты говоришь, что они не надобны. Говоришь, что нам надобен гетман по нашей воле; но ты гетман в Войске Запорожском великому государю многих вернее». Выговский утих и отвечал: «Я великому государю и теперь служу верно, а от воевод бунты начнутся; государевы ратные люди мне были надобны в то время, чтоб в войске было славно, а мне была честь». В это время ехавший за гетманом чигиринец Иван Богун стал кричать: «Нам воеводы не надобны; жен да детей наших переписывать приехали». Обратившись к Скуратову, Богун закричал: «Ты к нам воеводою в Чигирин едешь, нездоров от нас выйдешь!» «Уйми его», – сказал Скуратов гетману; тот велел крикуну замолчать и прибавил: «Не теперешняя эта речь». Однако ту же самую речь на письме отправил Выговский в Москву с Опухтиным: «Все бунты усмирены, потому войско, присланное с князем Ромодановским, более не нужно и Орда отпущена». Тут же гетман отправил к царю жалобу на боярина Шереметева: «Боярин Василий Борисович Шереметев, приехавши в Киев, с нами не посоветовавшись и не повидавшись, многие новые дела начинает, казны неведомо какой спрашивает и воевод без совета с нами по городам посылает, на что есть ли указ вашего царского величества – не знаем. Челом бьем, чтоб ваше царское величество приказал ему от этого воздержаться; он и в Белой России, делая то же с христианами, козаков вашему царскому величеству в остуду учинил, сам будучи виноват».

В Москве почли за нужное успокоить гетмана насчет воевод, и 26 июля отправился отсюда в Малороссию подьячий Яков Портомоин с такою грамотою: «Писали к нам из литовских городов наши воеводы, что польский король Ян-Казимир послал в Малую Россию прелестные листы, будто боярин Шереметев и окольный князь Ромодановский посланы на тебя, гетмана, и на все Войско Запорожское. Зная твою верную к нам службу, мы не думаем, чтоб ты этим письмам поверил: знатные люди отправлены на своевольников, по твоему челобитью, а не для войны с вами, единоверными православными христианами. Так ты объяви начальным и всяким людям, чтоб они польскими листами не прельщались и сомнения никакого не имели, жили бы под нашею высокою рукою в совете и любви». 9 августа Портомоин приехал в Чигирин и подал гетману царскую грамоту. Выговский отвечал: «Ратные люди Ромодановского людей побивают и всякое разоренье чинят, притом князь Ромодановский своевольников Барабаша да Лукаша и других многих черкас к себе в полк принял. И я, не дожидаясь того, чтоб на меня государевы ратные люди пришли войною, иду за Днепр сам с Войском Запорожским и татарами отыскивать этих своевольников, и если государевы ратные люди станут их защищать или будут какой задор в черкасских городах делать, то я молчать не буду, а к Киеву пошлю брата своего Данила с войском и с татарами, чтоб боярина и воеводу выслать вон, город, который по указу царского величества в Киеве сделан, разорить и разметать, а если воевода не выйдет, то его в Киеве осадить». Портомоин был задержан под стражей, и 11 августа Выговский выступил из Чигирина, но еще не для того, чтобы воевать с государевыми ратными людьми: ему нужно было сперва покончить другое дело...

Еще в конце марта виленский воевода князь Шаховской писал к государю о вестях из Варшавы: «Надежду польский король имеет большую на козаков и на татар, да на прусского; если козаки не будут при короле, то король поневоле будет мириться с тобою, великим государем, а если козаки с королем соединятся, то мира у короля с тобою не будет: большая надежда у короля на козаков да на татар». Но это была еще только надежда: Беневский, хлопотавший еще при Хмельницком о возвращении Малороссии под власть королевскую, хлопотал о том же и при Выговском, но в договорах последнего с ним пока еще не было никаких статей, вредных для Москвы. Выговский в сношениях своих с Беневским, с королем и вельможами польскими хлопотал только об одном: чтоб сохранен был мир, чтоб польские войска не вступали в Украину и дали бы ему, гетману, время управиться с внутренним врагом – Пушкарем, которого поддерживало Запорожье и который нашел бы большую поддержку в Москве и во всей черни, если бы Выговский объявил себя за Польшу. Но когда Пушкаря не было более, когда враги были поражены бессилием и ужасом, когда ханский союз был обеспечен, а с Москвой нельзя было более хитрить, потому что поход полтавский был самым дерзким неповиновением воле государя, когда, с другой стороны, явились в Малороссии воеводы, тогда время открытого действия наступило, по мнению Выговского, и 7 июня Беневский известил короля, что поверенный Выговского, львовский мещанин грек Феодосий Томкевич, едет с решительным объявлением верноподданства и что тот же Феодосий отправляется и к королю шведскому с предложением заключить мир с Польшею и с угрозою, что в противном случае Войско Запорожское будет стоять за Польшу.

В последних числах августа съехался Выговский с Беневским в Гадяче, и 6 сентября постановлены были здесь следующие условия, на которых Запорожское Войско опять поддавалось Польше: 1) Вера древняя греческая уравнивается в правах своих с римскою везде, как в Короне Польской, так и в Великом княжестве Литовском. 2) Митрополит киевский и пять архиереев русских будут заседать в Сенате с тем же самым значением, какое имеют прелаты католические; место киевского митрополита будет после львовского римского архиепископа, остальные же владыки будут сидеть после католических бискупов поветов своих. 3) Войска Запорожского будет 60000. 4) Гетману великого княжения русского украинского вечно быть первым киевским воеводою и генералом. 5) Сенаторов в Короне Польской выбирать не только из поляков, но и из русских. 6) Дозволяется в Киеве устроить академию, которая пользуется теми же правами, как и академия краковская, с тем, однако, условием, чтобы в ней никаких расколов арианских, кальвинских, лютеранских учителей и учеников не было и дабы между студентами и прочими учащимися никаких поводов к ссорам не было; все другие школы, какие прежде в Киеве были, король велит перевести в другие места. 7) Король и чины позволяют учредить и другую академию на правах киевской, где найдется для нее приличное место. 8) Коллегии, училища и типографии, сколько их понадобится, вольно будет устраивать, вольно науками заниматься и книги печатать всякие и религиозно-полемические, только без укоризны и без нарушения маестату королевского. 9) Случившееся при Хмельницком предастся вечному забвению. 10) Податей никаких правительство польское получать не будет; обозы коронные не принимаются; обе Украины находятся только под гетманским управлением. 11) Король будет нобилитовать козаков, которых представит ему гетман. 12) Коронным войскам в Украине не быть, кроме необходимости, но в таком случае они находятся под командою гетмана, козакам же вольно стоять по всем волостям королевским, духовным и сенаторским. 13) Гетман имеет право чеканить монету и платить ею жалованье Войску. 14) Во всяких нужных делах Короны Польской призываются на совет козаки; правительство должно стараться, как бы отворить Днепром путь к Черному морю. 15) В войне короля с Москвою козаки могут держать нейтралитет, но в случае нападения московских войск на Украину король обязан защищать ее. 16) Тем, которые держали сторону козаков против Польши, возвращаются отобранные имения, и опять они вписываются в уряд. 17) Гетману не искать других иностранных протекций, кроме поль-

ской; он может быть в дружбе с ханом крымским, но не должен признавать над собою власти государя московского, и козаки все должны возвратиться в свои жилища. 18) Король и республика дозволяют русскому гетману суды свои и трибунал устроить и отправлять там, где захочет. 19) Чигиринский повет остается при гетманской булаве по-прежнему. 20) В воеводстве Киевском все уряды и чины сенаторские будут раздаваться единственно шляхте греческой веры, а в воеводствах Брацлавском и Черниговском попеременно с католиками. 21) В русских воеводствах учреждаются печатари, маршалки и подскарбии, и уряды эти будут раздаваться только русским. 22) Титул гетмана будет: гетман русский и первый воеводств Киевского, Брацлавского и Черниговского сенатор.

Выговский получил все, чего только мог желать; приверженцы его, с которыми он устроил польский союз, были также награждены: урожденные, т. е. бывшие прежде шляхтичами, получили земли, нешляхтичи – нобилитованы; нежинский полковник Василий Золотаренко, рыцарь Войска Запорожского, принятый за рыцарские дела в клейнот шляхетства польского, из Золотаренка сделался Злотаревским.

Поддавшись королю, Выговский хотел еще продолжать обманывать царя, чтоб не иметь на плечах московских воевод, пока не пришли в Украину войска польские и хан крымский. В августе он клялся в верности своей к великому государю перед посланником его дьяком Василием Михайловым, и в то же время войска его уже действовали против Киева: 16 августа прибежали сюда из лесов работники, которые были посланы за лесом на острожное и валовое дело, солдаты, драгуны и люди боярские, битые, стреляные и пограбленные, и объявили: «Били нас и грабили черкасы, а стреляли из луков татары, идут под Киев многие люди!» Воевода Шереметев вышел сам с воинскими людьми из города и разослал подъезды: подъезжане встретили полковников: белоцерковского Ивана Кравченка, брацлавского Ивана Сербина, подольского Астафья Гоголя, и как увидали черкасы, что воеводы наготове, то под Киев не пошли, стали в двух верстах от города, за речкою Лыбедью. Шереметев послал спросить полковников: зачем они пришли под Киев безвестно со многими людьми? Для чего с ними татары и для чего их люди государевых ратных людей били и грабили, а иных до смерти побили? Полковники отвечали: «Пришли мы по приказу гетмана Ивана Выговского, татар с нами нет, будет к нам под Киев Данила Выговский, и татары придут с ним; под Киев мы пришли и Данила придет для договора о всяких делах». После этого пришли еще два полковника – паволоцкий Богун да Саблинский с пехотою, а 23 августа явился и Данила Выговский с татарами и черкасами в числе более 20000. Черкасы отогнали стада у комарицких драгун и начали гонять сторожевые сотни; в то же время Данила Выговский завел сношения с киевским полковником Павлом Яненком, велел на посаде на торгу побивать государевых людей, которые ходили из города для хлебной покупки, и посад зажечь. Шереметев выслал против Выговского своих товарищей, а сам остался оберегать крепость, но, в то время как младшие воеводы бились с Выговским, киевский полковник Павел Яненко с своим полком приступил к городу от посада с Киселева городка. Шереметев выслал на вылазку стрелецкого голову Ивана Зубова с стрельцами и солдатами; Зубов поразил черкас, выбил их из Киселева городка, взял знамя, а младшие воеводы в то же время отбили от валу, от Золотых ворот Выговского, который, соединясь со всеми другими полковниками, стал обозом под Печерским монастырем, а татар поставил подле обоза. На 24-е число в ночь у земляного вала против Печерских ворот начали было черкасы копать шанцы в двух местах, но на рассвете вышли из города младшие воеводы с полковником фон Стаденом, который предводительствовал пехотою, ударили на черкас в шанцах и нанесли им решительное поражение: весь обоз, пушки, знамена, бунчук и печать войсковая достались победителям; много черкас потонуло в Днепре, Данило Выговский ушел в лодке сам-друг, как говорили, раненый. Во время этого боя Яненко из своего обоза с Щековицы приступил к земляному новому валу со всем своим полком, но был сдержан отрядом пехоты под начальством Сафонова, к которому с большого боя поспешил на помощь воевода князь Юрий Борятинский с

рейтарами: Яненко был разбит и потерял обоз свой на Щековице, которым овладели стрельцы; много черкас Яненковых перетонуло в Почайне. Со всех этих боев Москве досталось 12 пушек, 48 знамен, три бочки пороху. Пленные козаки сказывали воеводам, что они приходили под Киев по большой неволе, старшины высылали их побоями, клялись, что будут служить верно государю. Что же касается мещан киевских, то задолго еще до прихода Выговского они являлись к воеводам и говорили, что козаки заставляют их делать на Щековице земляной вал, но что они козакам отказали и валу не делали, при этом мещане просили, в случае прихода воинских людей, позволить им перевезтись в город с женами и детьми и со всем имением. Воеводы позволили и потом сами несколько раз напоминали им, чтоб перебрались в город; но когда пришел Выговский, то мещане стали возиться на Днепр в суда; воеводы послали сказать им: для чего они возятся в суда, а не в город? Мещане отвечали: «Возимся по приказу гетмана Ивана Выговского, боимся: если черкасы город возьмут, то мы пропадем». У них было семь пушек, данных им князем Куракиным; теперь, когда подошел неприятель, воеводы требовали эти пушки в город; мещане отвечали, что они отослали их для починки; но когда взят был обоз Яненка, то эти московские пушки очутились здесь.

В сентябре царь рассылал уже грамоты об измене гетмана с обстоятельным изложением всего дела, а Выговский все еще продолжал притворяться: 8 октября он писал государю, что и не помышляет на московские города наступать и присягу ломать: «Бога ради, усмотри, ваше царское величество, чтоб неприятели веры православной не тешились и сил не восприяли, пошли указ свой к боярину Василию Борисовичу Шереметеву, чтоб он больше разорения не чинил и крови не проливал». Вслед за этой другая грамота в таком же роде: «Изволь, ваше царское величество, обратить на нас прежнее милостивое лице, видя, что мы и ныне неотменными вашего царского величества подданными остаемся». Дела шли не так, как бы хотелось русскому гетману и сенатору: на восточной стороне Днепра огромное большинство было за Москву, хотя большая часть старшины была за Выговского, и потому царские воеводы, князья Ромодановский и Куракин, могли держаться, опираясь на верных козаков. В последних числах ноября при Варве верные Москве козаки выбрали себе на время в гетманы Ивана Безпалого, «чтоб дела войсковые не гуляли». Между тем военные действия начались с обеих сторон; города и села запылали, несчастные жители начали испытывать на себе все военные ужасы, сами не зная за что. Поляки не приходили на помощь, и, чтобы остановить присылку новых воевод московских, Выговский отправил к царю белоцерковского полковника Кравченка с повинною; на письмо князя Ромодановского, чтоб распустил войско и не приходил на царские города, Выговский отвечал (14 декабря из табора под Ржищевом): «На царские города приходять я не мыслю, а только своевольников своих ускромляю и ускромлять буду, равно как и *союзников* их. Мы не для того его царскому величеству присягали, чтоб у своих холопей в неволе быть, чтоб они нас за шею водили, но в надежде на вольность больше прежней, а теперь ты, соединившись с своевольниками, многую и великую в Малороссии ссору учинил». 13 декабря Безпалый писал государю, что враги наступают со всех сторон, а царские воеводы помощи им, верным малороссиянам, не дают. Царь отвечал, что вследствие приезда Кравченка с повинною он назначил раду в Переяславле к 1 февраля, а между тем пусть он, Безпалый, соединившись с князем Ромодановским, промышляет над неприятелем. Неприятель не заставил себя ждать: 16 декабря наказной гетман Выговского, Скоробогатенко, подступил под Ромны, где находился Безпалый, но был отогнан последним, который после этого дела писал царю: «Если ваша пресветлая царская милость с престола своего не подвигнетесь в свою отчину, то между нами, Войском Запорожским, и всем народом христианским покою не будет; Выговский Кравченка на обман послал, и ему бы ни в чем не верить». 20 декабря татары и верные Выговскому козацкие полки – Каневский, Черкасский, Чигиринский и Корсунский – под начальством переяславского полковника Цецуры, наказного гетмана Скоробогатенка и поляка Груши дали бой князю Ромодановскому у Лохвицы, но были отбиты. Между тем Шереметев из Киева писал

государю, что Выговский хотел приехать к нему в Киев для переговоров, но что он, воевода, без царского указа не смел пустить его в город и с малыми людьми. Шереметев прибавлял, что междоусобие в Малороссии может прекратиться только вследствие этих личных переговоров. Царь отвечал ему (21 декабря): «Промышляй всякими людьми, чтоб тебе с гетманом в Киеве видеться и переговорить, какими бы мерами междоусобие успокоить». Но и в Киеве и в Москве напрасно надеялись на это успокоение: Выговский, получив татарскую помощь, не думал более о мирных переговорах; у него было всегда в запасе одно оправдание, что бьется не против царских войск, против своих ослушников, Беспалого с товарищами.

Как тяжело отозвалась в Москве весть о смуте малороссийской, об измене Выговского, так радостно была принята она в Польше, ибо это была для нее весть о воскресении. Мы видели, что польские комиссары в Вильне обязались предложить на сейме об избрании Алексея Михайловича в преемники Яну-Казимиру. Предложение было действительно сделано, но епископы тут же протестовали, что они согласятся на избрание царя не иначе как с условием, чтоб он принял католицизм, и Ян-Казимир велел обнародовать этот протест по всему королевству. Находили двадцать одну причину, почему ни царь московский, ни сын его не могли быть избраны в короли польские, и все эти причины сходились преимущественно к одному, что дом австрийский никак не выпустит из рук своих польской короны: войны козацкие в соединении с московскою и шведскою втолкнули поляков поневоле в объятия австрийского дома; король по совету сенаторов еще в сентябре 1655 года предложил императору быть его наследником и обещал согласие всей республики, если только император поможет ей в настоящей беде; император предложил свое посредничество для примирения с Москвою и Швециею, чтоб тем легче в качестве посредника достигнуть своей цели, Австрийцы внушили полякам, чтоб прельстили московского царя надеждою польской короны, чтобы в этой надежде он объявил войну Швеции, и, как только царь вступил с войском в Ливонию, король и сенаторы от имени республики чрез торжественное посольство поднесли императору корону польскую; тот публично отказался, но частным образом принял корону для сына своего Карла-Иосифа; король польский в 1657 году объявил королю шведскому, что отказывается от титула шведского и уступает Швеции всю Ливонию; Польше легче помириться с Швециею и поднять ее против Москвы, потому что король шведский не стремится быть королем польским; между Австриею и Польшею идут совещания, как вести дело с царем, чтоб заставить его продолжать войну с Швециею, пока Польша с нею не уладится; литовцы, по соседству с Москвою, из страха льстят царю, но поляки никак его не хотят; они думают, что самое лучшее средство успокоить австрийцев состоит в том, чтоб папа поручился императору за верность польского наследства для его дома под страхом отлучения; в противном случае, объявил, что сеймовое постановление о царе московском нисколько не предосудительно праву австрийскому. Если Австрия будет довольна этим тайным соглашением и ручательством папы, то поляки думают, что им можно будет вести переговоры с царем насчет короны и постановление, сделанное в случае необходимости, уничтожить властью первосвященника римского; австрийцы уже давно поджигают Порту и татар против Москвы, чтоб таким образом сдержать царя, а себе проложить дорогу к польской короне.

Но в Москве не знали всех этих причин, и царь продолжал хлопотать о польском престоле или по крайней мере о соединении Литвы с Москвою. В начале 1657 года он отправил в Литву любимца своего Матвеева следить за тамошними делами. Матвееву было наказано: в случае если произойдет разрыв между Польшею и Литвою, хлопотать, чтоб литовские войска перешли под высокую руку великого государя и присягнули ему. Матвеев писал, что литовского войска при гетмане Гонсевском немного, оно твердо стоит на том, чтоб по смерти Яна-Казимира быть королем царю, и ждет сейма, но коронное войско разнится: иные хотят к цесарю, другие – к Рагоци, третьи не хотят с княжеством Литовским разлучиться; писал, что сейма нечего скоро ждать по причине войны у поляков со шведами. Государь приказывал ему разыскать, чрез каких панов всего скорее можно добиться до благоприятного ему решения на сейме. Мат-

веев отвечал, что всего скорее можно получить желаемое чрез надворного маршалка Любомирского и познанского воеводу Лещинского: роды их многолюдные и начальных людей роду их много; только они государству государя своего вперед не прочат, нет того, чтоб поболеть о государстве, а просят прежде всего чести и подарков больших. Рагоци сулил им по сту тысяч червонных; гетман Гонсевский потребовал точно такой же суммы у царя. «Сперва присягни с начальными людьми и со всем Войском, – отвечал ему Матвеев, – тогда государь вас и пожалует от своей казны; сам помысли: если ты такие большие деньги возьмешь и присягу дашь один, то всякий человек смертен, а теперь время не спокойное от неприятелей; ты беспрестанно в службах, убьют тебя или в плен возьмут – кто тогда эти деньги заслужит великому государю?» «Я готов присягнуть великому государю, – говорил Гонсевский, – готов присягнуть, что буду стараться о провозглашении его наследником короля Яна-Казимира; а теперь начать государю служить никак нельзя, чтоб не испортить дела, постановленного на съезде. Если же государь даст мне деньги, то я стану призывать начальных людей и Войско тайно и присягу дам за всех». Потом Гонсевский говорил о необходимости соединения церквей, Матвеев отвечал, что когда государь будет королем, то созовет духовенство греческое и римское и других многих вер, и *если* духовные особы на то склонятся волею, а не нуждою, чтоб быть съезду, и *если* тогда великий государь изволит сослаться с цесарем и с папою, то пошлет; но чтоб не было никакого сомнения насчет веры и церквей, то великий государь уже велел послать свои грамоты во все покорившиеся ему литовские города, что права их, религия и вольности ни в чем нарушены не будут. «Хорошо так, – сказал на это Гонсевский, – но вот в чем дело: как был на Короне Польской король Сигизмунд III, верою католик, то было у него 172 сенатора, все разных вер, только двое было католиков, и в сорок лет все стали католиками, не нуждою, а вот чем: никому не давал он ни воеводства, ни каштелянства до тех пор, пока не приступят к католической вере». Гонсевский говорил также, чтоб все правительственные места в Литве постоянно оставались за литовцами, а не были раздаваемы москвичам. Матвеев отвечал: «Великий государь обычной воли в неволю не приводит; литовская шляхта служит ему в разных строях, и над нею начальные люди их же братья шляхта, а не московские урядники».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.